

ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

Россия, Тюмень.
Тюменский государственный университет. Кафедра философии.
Профессор, доктор философских наук.

Russia, Tyumen.
Tyumen State University. Ph. D Professor. Chair of the Philosophy.

mimus.lena@mail.ru

ПОЛИТИКО-ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ОБЩЕСТВА В ПРОЕКЦИИ МЕТОДОЛОГИИ ИДЕАЛЬНОГО ТИПИЗИРОВАНИЯ

Статья посвящена типологическому анализу политико-правовой культуры как ценностно-смысловой системы. Автор выделяет три типа политико-правовой культуры — традиционный, утилитарный, креативный. В понимании источников и сущности государства и права политико-правовой традиционализм исходит из мировоззренческих принципов «космоцентризма» или «теоцентризма». Государство и право рассматриваются как внешние по отношению к человеку, высшие силы. Утилитаристское понимание источников и сущности государства и права базируется на принципах «социоцентризма» и «антропоцентризма», утверждающих идею народного суверенитета, определяющую народ как создателя и конечного обладателя всякой власти, а человека как творца закона. Креативная политико-правовая культура «снимающая» позиции теоцентризма и космоцентризма, социоцентризма и антропоцентризма утверждает мировоззренческий принцип диалогизма, согласно которому смыслообразующим ядром и конституирующим основанием политико-правовой сферы жизни общества является диалог — межчеловеческая коммуникация. Предложенная типологическая триада рассматривается как инструмент анализа политико-правовой сферы жизни общества.

Ключевые слова: политико-правовая культура, идеальное типизирование, общество, традиционализм, утилитаризм, креативизм, государство, власть, право, свобода, справедливость

Political and Legal Culture of the Society in the Projection Methodology Ideal Typing

The article is devoted to the typological analysis of political and legal culture as a value-semantic system. The author distinguishes three types of political and legal culture — traditional, utilitarian, creative. In understanding the sources and nature of the State and law, legal-political traditionalism stems from the ideological principles of «kosmocentrism» or «theocentrism». State and law considered as external to the person, the higher powers. Utilitarianism understanding of the sources and the nature of the State and the law is based on the principles of «sociocentrism» and «anthropocentrism», claiming the idea of popular sovereignty that defines people as creator and owner of any power, and man as the creator of the law. Creative political and legal culture «taking off» position of theocentrism and kosmocentrism, sociocentrism and anthropocentrism claims ideological principle of dialogism, according to which the core and basis of the legal and political aspects of society is dialogue -interpersonal communication. The typological triad is seen as a tool to analyze the political and legal aspects of society.

Key words: political and legal culture, the ideal typing, society, traditionalism, utilitarianism, creativism, state, dominion, right, freedom, justice

Политическая культура и правовая культура общества — две не просто взаимосвязанные, но взаимозависимые, взаимопроницающие и взаимодействующие ценностно-смысловые системы. Вместе с тем, в современной отечественной науке сложилась традиция их изолированного друг от друга рассмотрения, связанная, прежде всего, с различной дисциплинарной принадлежностью понятий «политическая культура», «правовая культура»: первое изучается, как правило, политологией, второе — правоведением, юриспруденцией. В результате такого рода дисциплинарной специализации знания относительно как политической, так и правовой культуры приобретают односторонний, усеченный характер. Проблема усугубляется еще и тем, что в рамках указанных дисциплин сформировались принципиально различные подходы к исследованию.

В политологии главенствует цивилизационный подход, базирующийся на принципах культурного плюрализма, соответственно, недопустимости оценочных — позитивных или негативных — суждений относительно той или иной политической культуры.

В правоведении пролонгируется эволюционистский (формационный) подход, основу которого составляют принципы культурного монизма, допускающие оценочные суждения относительно правовой культуры общества. Например, классическим для правоведения является определение правовой культуры как «качества» правовой жизни, критерием которого выступает степень соответствия той или иной правовой культуры некоему культурному образцу, например европейской правовой культуре. Такого рода позиция, разделяющая культуру

ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

туры на «отсталые и продвинутые», «зрелые и незрелые», «высокие и низкие» быть может, продуктивная в воспитательном и просветительском планах, контрпродуктивна в плане исследовательском — определение неевропейских, нелиберальных правовых культур как некоего нуждающегося в обработке материала, «культурного сырца» отнюдь не способствует пониманию этих культур, а, следовательно, моделированию путей их саморазвития.

Итак, в современной науке актуальной является идея междисциплинарного синтеза, направленного, во-первых, на конструирование сложного стереоскопического объекта исследования, каким является политико-правовая культура общества; во-вторых, на формирование методологического синтеза, соединяющего элементы цивилизационного и эволюционного подходов.

Как представляется, такой обобщающей, синтезирующей различные подходы и исследовательские процедуры методологией является методология идеального типизирования. Она дает возможность, с одной стороны, увидеть специфические особенности той или иной политико-правовой культуры, с другой стороны, не потерять из поля зрения то общее, что роднит эту культуру с другими — однотипными культурами, соответственно, иметь представление о возможных путях ее развития. Не случайно, создатель методологии идеального типизирования М. Вебер рассматривал идеально-типические понятия как фундамент методологии наук о культуре, как инструменты изучения конкретных явлений культуры в их взаимосвязи, причинной обусловленности и значения¹.

Для построения типологии политико-правовой культуры необходимо некоторое смысловое основание. Культура формируется в процессе взаимодействия человека с окружающим миром. Отношение к миру — своеобразная проекция тех критериев, которые применяются в межличностном общении. Можно выделить три основных модальности осмысления окружающего мира: «мир-условие», «мир-средство» и «мир — цель»; соответственно, три типа политико-правовой культуры — традиционный, утилитарный, креативный. Посредством отнесения к данным идеальным типам можно эксплицировать ценностно-смысловое содержание политико-правовой культуры, а также выявить механизмы ее динамики.

Политико-правовая культура традиционного типа

Традиционная политико-правовая культура формируется на основании восприятия мира как условия — установленного вне участия человека всеобъемлющего порядка, который следует принимать, которому следует подчиняться. Традиционная культура, по сути своей, бессубъективна, это культура не автора, но авторитета. Человек традиционной культуры — индивид, экземпляр человеческого рода, ощущающий себя частью, слитой с целым — тем или иным социальным слоем, общностью. Государство и власть рассматриваются в такой перспективе как внешние по отношению к человеку, высшие силы. В понимании источников и сущности государственной власти политико-правовой традиционализм исходит из мировоззрен-

ческих принципов «космоцентризма» или «геоцентризма». Соответственно, он неразрывно связан, спаян с мифологией и религией.

Мифологическое истолкование государственной власти присуще политико-правовой культуре Древних восточных цивилизаций, в смысловом пространстве которой земной порядок — микрокосм — рассматривался как отражение космического порядка — макрокосма. Эти представления, в той или иной мере, отражены в Законах Хаммурапи, Законах Ману, Дасоизме, Зороастризме.

Религиозное видение государственной власти свойственно политико-правовой культуре западноевропейского Средневековья. Известную библейскую формулу — «Нет власти не от Бога, существующие же власти от Бога установлены» — средневековые богословы превратили не только в непререкаемую догму феодального строя, но и в важнейшую составляющую массовой ментальности. Представления о божественной природе государства и власти присуще русской средневековой политико-правовой культуре, ключевой семантемой которой являлась доктрина религиозного провиденциализма, позиционирующая правителя как проводника божьей воли на земле. Таковы воззрения, например, старца псковского Елизарова монастыря Филофея, полагающего, что государственная власть установлена Богом, царь — наместник Бога на земле и его слуга: «сердце царево в руке божьей»². Религиозная трактовка государственной власти находит воплощение в идее боговластия или теократии как идеальной системы правления, базирующейся на убеждении, что важные общественные дела решаются по божественным законам, откровениям.

В семантическом пространстве традиционализма отношение к политическому лидеру осмыслились как отношение безоговорочного повиновения и рабской покорности. Однако это не исключало возможности ревизии деятельности правителя на предмет ее соответствия должному — идеалу. В случае несоответствия должного и сущего отношения безоговорочного повиновения инверсионным образом сменялись отношениями неповиновения, бунтарского сопротивления. Таким способом стратегия конформизма — пассивно-приспособительного поведения подданных — могла на определенное время вытесняться стратегией радикализма — активно-протестного их поведения.

Важнейшей смысловой оппозицией традиционализма является оппозиция «этатизм — анархизм». Исходно традиционализм тяготеет к этатизму — абсолютизации государства, как воплощению божественной власти и порядка. Однако в традиционализме достаточно выражена и антигосударственная тенденция, связанная не столько с отрицанием государственной власти как таковой, сколько с отторжением «неправильной», «ненастоящей», «ложной», отождествляемой с демоническими силами, власти. Разъяснение причин столь неоднозначного понимания власти можно обнаружить, например, у И. Волоцкого, который утверждал, что власть от Бога, но носитель светской власти — царь, а он хотя и «божий слуга», но имеет природу человека и потому подвержен человеческим порокам. Следо-

¹ См.: Вебер М. Исследования по методологии наук. М., 1980.

² Послания Филофея. Послание к великому князю Василию об исправлении крестного знамения и о содомском блуде/ПЛДР, конец XV — начало XVI вв. М., 1984. С 441.

ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

вательно, царская воля может быть ошибочной и потому царь может быть уже не божий человек, а Дьявол³.

Связи управляющих и управляемых в традиционной политико-правовой культуре вписываются в смысловую структуру патернализма, в рамках которой патриархальная семья осмысливалась как начальная ячейка государства и его идеальный образец. Б. Н. Миронов рассматривает патриархальную семью как «маленькое абсолютистское государство», взращивающее авторитарные личности⁴. Патернализм неотделим от авторитаризма, а последний являет собой противоположность демократии. В сущности, традиционная политико-правовая культура недемократична. Возможно, это положение кажется малоубедительным, т. к. считается, что демократические формы организации общества уходят корнями в прошлое — родовой строй. Однако родоплеменная демократия несет в себе огромный потенциал авторитаризма хотя бы потому, что в своей основе она имеет принцип подчинения авторитету традиции, следовательно, исключает саму возможность народовластия, т. е. согласования интересов, соперничества различных партий. Об этом пишет А. С. Ахиезер, анализируя такой институт древнерусской культуры как вече: «Вечевой идеал не следует рассматривать как синоним современных форм демократии с присущим ей плюрализмом и высокой ценностью личности... вечевой идеал постоянно и повседневно несет в себе авторитаризм... На вечевой сходке... участвовали лишь главы семей, домохозяев, первые лица локальных миров. Младшие члены семейств, работники, сброд (бездомные) в вече не участвовали. Вече было полем столкновения монологов, собранием авторитарных глав локальных миров низшего уровня»⁵.

Являясь теократичной, патерналистской, авторитарной, традиционная политико-правовая культура выдвигает в качестве идеала организации государственной власти единовластие, единодержавие, монархию. Именно монархия отвечает мифологической — космоцентрической и религиозной — теоцентрической картинам мира, где в центре Вселенной располагаются некое космическое первоначало, бог.

Право в традиционной политико-правовой культуре выводится из космического или божественного источника. Оно осмысливается как ниспосланный человеку свыше божественный или космический закон. Именно так обосновано право в древнейших памятниках политико-правовой мысли — Законах Хаммурапи, законах Ману, а также древнейшем русском законодательном сборнике — Русской Правде, где право получает статус высшей космической силы — Правды⁶. В семантическом контексте традиционализма право осмысливается скорее как нравственный, а не юридический феномен. Такая интерпретация права опирается на противопоставление аутентичного, заданного космосом или богом закона и закона неаутентичного, созданного человеком. Первый ассоциируется с правом

обычным, второй — с правом юридическим. Традиционализм отличается последовательным антиюридизмом в понимании права, а также антиправовым морализмом, в русле которого юридическое право рассматривается как «низший предел или определенный минимум нравственности»⁷.

Правовой нигилизм — свойство традиционной политико-правовой культуры. Как правило, он активизируется в результате столкновения с иной — нетрадиционной политико-правовой культурой. Отстаивая принцип антиправового морализма, традиционализм отвергает позитивный закон как явление неподлинное, искусственное. В российской традиционной политико-правовой культуре правовой нигилизм формируется вследствие неприятия европейских правовых норм. Например, И. В. Киреевский утверждал, что «римско-западная юриспруденция отвлеченно выводит логические заключения из каждого законного условия, говоря: *Форма — это самый закон*, и старается все формы связать в одну разумную систему, где бы каждая часть, по отвлеченно-умственной необходимости, правильно развивалась из целого и все вместе составляло не только разумное дело, но *самый написанный разум*, — право обычное, напротив того, как оно было в России, вырастая из жизни, совершенно чуждалось развития отвлеченно-логического. Закон в России не изобретался предварительно какими-нибудь учеными юрисконсультами, не обсуживался глубокомысленно и красноречиво в каком-нибудь законодательном собрании и не падал потом как снег на голову посреди всей удивленной толпы граждан, ломая у них какой-нибудь уже заведенный порядок отношений. Закон в России не сочинялся, но обыкновенно только записывался на бумаге, уже после того, как он сам собою образовался в понятиях народа и мало-помалу, вынужденный необходимостью вещей, взошел в народные нравы и народный быт. Логическое движение законов может существовать только там, где самая общественность основана на искусственных условиях, где, следовательно, развитием общественного устройства может и должно управлять *мнение* всех или некоторых. Но там, где общественность основана на коренном единомыслии, там твердость нравов, святость предания и крепость обычных отношений не могут нарушаться, не разрушая самых существенных условий жизни общества. Там каждая насильственная перемена по логическому выводу была бы разрезом ножа в самом сердце общественного организма»⁸.

Традиционной политико-правовой культуре присуще неверие в юридический закон как действенное средство урегулирования общественных отношений. Нигилистическое отношение русского народа к правотворчеству проявляется в его пословицах и поговорках: «Все бы законы потонули да и судей бы перетопили», «Судья — что плотник: что захочет, то и вырубит», «Перед судом все равны: все без окупа виноваты»⁹.

Важнейшим смысловым элементом политико-правовой культуры традиционализма является представление о главенстве государства над позитивным законом, о зависимости такового рода закона от правителя. Таким образом осуществляется санкционирование неограниченной власти правителя, тирании.

³ См.: Лурье Я. С. Краткая редакция «Устава» Иосифа Волоцкого — памятник идеологии раннего иосифлячества / ТОДРЛ, XII. М. — Л., 1956.

⁴ Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999. Т. 1. С. 241.

⁵ Ахиезер А. С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России). Т. 2. Теория и методология. Словарь. Новосибирск, 1998. С. 88.

⁶ См.: Мифы народов мира. Энциклопедия в 2-х т. Т. 2. М., 1994. С. 328.

⁷ Соловьев В. С. Оправдание добра. М., 1996. С. 328.

⁸ Киреевский И. В. Критика и эстетика. М., 1979.

⁹ См.: Пословицы и поговорки русского народа. Из сборника В. И. Даля. — М., 1987.

ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

Ценность свободы не является для традиционной политико-правовой культуры достаточно значимой, что продиктовано присущим этой культуре антииндивидуализмом, антилиберализмом, антидемократизмом. Традиционалистская максима «то, что не разрешено — запрещено» жестко очерчивает деятельность человека набором фиксированных поведенческих норм. Неотделимый от фатализма, провиденциализма традиционализм исключает саму вероятность актуализации ценности свободы. Эта ценность подменяется в традиционализме ценностью воли, т. е. полной независимости, связанной, как правило, со стихийным протестом против «неправильного правления», «ненастоящей власти». Представления о воле, таким образом, неотделимы от представлений об анархии и разбое.

Справедливость также понимается особым образом. В рамках традиционализма утверждается в качестве значимой ценности распределительная справедливость, т. е. справедливость с учетом достоинства лиц, с учетом их сословной принадлежности. Такое понимание справедливости обусловлено, прежде всего, той социальной структурой, которую образует традиционная политико-правовая культура. Традиционное общество — общество сословно-иерархическое, внутри которого человек осознает себя не личностью, а индивидом, привязанным к той или иной социальной ячейке. Поэтому для людей традиционного общества чужды идеалы изначального равенства и неотъемлемых прав человека. Не общечеловеческие, но корпоративные ценности и нормы составляют семантический каркас традиционализма. Примером такого понимания справедливости является русская средневековая политико-правовая культура, характерными элементами которой были «чинность» и «урядство»: т. е. необходимость знать свой «чин» и свое место в общем «ряду», т. е. социальном слое общества. Соответственно, традиционная политико-правовая культура конституирует закрытое общество, охраняющее свои стандарты и нормы от влияния других культур, противостоящее процессам модернизации.

Политико-правовая культура утилитарного типа

Утилитарная политико-правовая культура формируется на основании восприятия мира как средства существования человека и общества. Критерием оценки всех явлений в рамках утилитаризма выступает их полезность, возможность быть средством жизнедеятельности человека и общества. В русле утилитарного, объектно-вещного восприятия реальности происходит преодоление свойственной традиционной культуре бессубъективности, кристаллизация субъект-объектного отношения человека к окружающему миру, осмысление отделенности своего Я от природного и социального мира, осознания индивидами и социальными группами своих интересов, необходимости их согласования. Прimitивный утилитаризм выдвигает принцип иерархии интересов, развитой — принцип их баланса.

В утилитаристской трактовке государство позиционируется как средство организации жизнедеятельности общества, как бюрократический механизм, создающий условия комфортного сосуществования людей. Главными задачами качественно устроенной и исправно функционирующей государственности

являются: защита собственности, содействие росту благосостояния людей, максимизация всеобщей пользы путем установления баланса индивидуальных и общественных интересов. Инструментально-функциональное понимание источников и сущности государственной власти и права базируется на принципах «социоцентризма» и «антропоцентризма», утверждающих идею народного суверенитета, определяющую народ как создателя и конечного обладателя всякой власти, а человека — как творца закона.

Утилитаристское понимание государства, власти, права находит обоснование в просветительской концепции общественного договора. Эта концепция, без преувеличения, может быть названа утилитаристской теорией государства и права. Ее разработчики: Т. Гоббс, Д. Локк, Ж. Ж. Руссо, А. Н. Радищев и др., объясняли происхождение общественного договора утилитарно — функционально-рассудочно. Они считали, что общественный договор обусловлен стремлением к «миру», «благополучию», «сохранению собственности», «защите интересов», «удобству», «безопасности», «спокойной и приятной жизни», «взаимной выгоде», «общей пользе».

Утверждение принципов социоцентризма и антропоцентризма в политико-правовой культуре утилитаризма влечет такое ее свойство как религиозный индифферентизм. Важнейший показатель становления утилитарной политико-правовой культуры общества — секуляризация государства и права, превращение религии в факультативную сферу жизни общества. Теоретическое обоснование сущности и источников государственной власти и права осуществляется уже не в рамках религиозных доктрин, но в рамках социальной науки и философии. Политология и юриспруденция как науки о политической и правовой сферах жизни общества возникают во многом благодаря становлению утилитарной политико-правовой культуры, которая нуждается в немифологических и нерелигиозных, но рационально-научных объяснительных конструкциях.

Однако будучи воплощением релятивизма, утилитаризм способен использовать ценностно-смысловые элементы традиционализма, в частности, главная утилитарная идея всеобщего благосостояния и счастья может отливаться в мифологические и религиозные формы, таким образом возникает псевдорелигия и псевдомифология. Можно предположить, что политический миф — продукт утилитарной политико-правовой культуры, поскольку, если традиционализм спаян с мифологией, включен в сложившиеся мифологические смысловые конструкции, то утилитаризм, обретая свободу от этих конструкций, сам становится полем мифотворчества. Однако утилитаристский политический миф лишь условно можно назвать мифом, поскольку он выступает не как цель — высшая ценность, но как средство. Зачастую являясь продуктом деятельности политических идеологов, он служит орудием в конкретной политической борьбе, средством манипуляции массовым сознанием.

Осуществляемая под давлением утилитарных интенций секуляризация политико-правовой культуры, влечет появление такого важнейшего феномена политико-правовой сферы жизни общества как политическая идеология. Разумеется, идеологические семантические конструкции присутствовали и в традиционной политико-правовой культуре, однако там они были синкретически слиты с религией и мифологией. Вы-

ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

деление политической идеологии как средства идейного обеспечения групповых интересов, осуществляется изначально под влиянием утилитарных представлений. Вместе с тем, утилитаризм в идеологическом плане неоднороден, присущее ему внутреннее смысловое разнообразие (умеренный и развитой утилитаризм), а также свойственный ему релятивизм открывают возможности конструирования различного рода идеологических построений как собственно утилитаристского (либерализм, коммунизм, социализм, социал-демократизм), так и смешанного утилитарно-традиционалистского (консерватизм, фашизм, неофашизм) типа.

В русле развитого утилитаризма осуществляется десакрализация института политического лидерства, складывается восприятие политического лидера как менеджера — управленца, актуализируется представление об ответственности правителя перед народом. Важнейшей семантической составляющей утилитарной политико-правовой культуры является «дух бюрократизма» — стиль руководства, основу которого составляет безличное рациональное администрирование, подчиненное системе обязательных формальных правил и инструкций. Однако «дух бюрократизма» — атрибут развитого утилитаризма, ориентирующего на поиск наиболее эффективных способов социально-политической организации и управления; примитивный утилитаризм, ориентирующий на сиюминутную выгоду, порождает потребительское отношение к политико-правовым институтам, одним из следствий которого становится коррупционность госслужащих.

Утилитаризму в целом не свойственен пассивно-приспособительный соглашательский — конформистский — тип поведения в социальной жизни и политике. Ему присущ активизм и радикализм — нацеленность на реорганизацию политико-правовых институтов или политической системы в целом. Как представляется, сама мысль о возможности такой реорганизации возникает вследствие отношения к государству, власти, законам как творению человеческого, призванному служить благу народа. Однако умеренный и развитой утилитаризм продуцируют различные формы радикализма.

Нацеливающий не столько на производство благ, сколько на их перераспределение умеренный утилитаризм выдвигает стратегию коренного насильственного переворота, приводящего к революционному сломи существующих в обществе отношений собственности. Развитой утилитаризм в большей мере направлен на реформизм, ему присуща тактика преобразования политико-правовых институтов, без уничтожения существующей политической системы.

Аналогично традиционной, утилитарная политико-правовая культура включает в свое ценностно-смысловое пространство оппозицию «этатизм — анархизм». Однако если традиционализм в большей мере склоняется к этатизму, то утилитаризм, в его примитивных формах, тяготеет к анархизму, связанному с осмыслением государства как бесполезного или вредоносного явления. Идея немедленного и полного уничтожения государства и всех его институтов порождена примитивным утилитаризмом, который ориентирует не на созидание новых более эффективных социальных и политических технологий, в том числе и технологий власти, но на уничтожение существующих. Развитой утилитаризм не исключает возможности критики не-

соответствующей интересам граждан политики государства, но ориентирует на средства воздействия предусмотренные законом — пикеты, митинги, демонстрации.

Утилитаризм, подобно ржавчине, разъедает отношения патернализма. Активизация утилитарного принципа пользы, выдвигание на первый план индивидуального интереса влечет девальвацию ценности патриархальной семьи с присущей ей иерархической структурой. Отношения управляющих и управляемых в ценностно-смысловом пространстве развитого утилитаризма укладываются в смысловой паттерн либерализма. Вместе с тем утилитаристский либерализм — специфическая форма либерализма, обосновывающая себя посредством понятий «интерес», «польза». Основу утилитаристского либерализма, который в литературе иногда именуется либертариизмом¹⁰, составляет идея защиты интересов личности — частной собственности, свободы предпринимательства и т. д.

Помимо либерализма в рамках утилитаризма возможен и иной — коммунитаристский, нацеливающий на защиту общественного интереса, и, соответственно, позиционирующий управляющих как выразителей общественного интереса, смысловой паттерн отношений управляющих и управляемых.

Стрежневая политико-правовая ценность утилитаризма — ценность демократизма. Вместе с тем утилитарная демократия — демократия формальная. По определению И. А. Ильина, таковая основывается на молчаливом политическом догмате: все формально свободны, все формально равны и все борются друг с другом за власть, ради собственных интересов, прикрываемых общесоюзной пользой¹¹.

Утилитарная демократия вызывает к жизни такой ценностно-смысловой и социально-политический феномен как партизм. Развитие партизма связано, главным образом, с утилитарным осмыслением политико-правовой жизни общества как арены столкновения и согласования различных интересов. Соответственно, утилитарная политико-правовая культура утверждает в качестве идеала организации государственной власти народовластие, республику. Именно республика отвечает социоцентрической, антропоцентрической картине мира.

Право в утилитарной политико-правовой культуре осмысляется как исторически изменчивый продукт рациональной мыслительной деятельности человека, общества. У истоков права, в утилитарном видении, стоит требование человеческой пользы — титул закона имеет лишь тот акт, который указывает человеку поведение, соответствующее его собственным интересам и служащее общему благу. Следовательно, утилитарная политико-правовая культура наряду с политическим либерализмом утверждает либерализм правовой. Идея правового либерализма в пространстве утилитарной культуры сопрягается с идеей первичности права относительно государства, т. е. идеей правового государства.

Одним из неотъемлемых свойств утилитаристской политико-правовой культуры является правовой идеализм, абсолюти-

¹⁰ См.: Hospers, J. The Libertarian Manifesto / Justice. Alternative Political Perspectives. 3-d Ed. /Ed. by Sterba, J. Belmont etc. -Wadsworth Publishing Company, 1990.

¹¹ Ильин И. А. О формальной демократии. / Ильин И. А. О грядущей России: избранные статьи. М., 1993.

ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

зирующий юридический закон как единственно эффективный способ регуляции социальных отношений. Правовой идеализм складывается вследствие сомнения по поводу эффективности традиционных нравственных законов — обычного права. Утилитаризм характеризуется последовательным юридизмом в понимании права, последний может перерастать в панюридизм — представление о неадекватности моральных законов и необходимости тотального регулирования общественных отношений юридическими законами.

Политико-правовая культура утилитаризма является тем смысловым фундаментом, на основании которого конституируется ценность свободы. Вместе с тем, в контексте утилитарного мировосприятия свобода интерпретируется особым образом — как политико-правовая автономия гражданина. Иначе говоря, свобода постулируется отрицательно как «свобода от», что, тем не менее, не ведет к утверждению вседозволенности. Свобода в утилитаристском восприятии достигается посредством установления правового порядка, который ее гарантирует. Таким образом представления о свободе сопрягаются с представлением о праве по принципу: «Там, где нет законов, там нет и свободы». Свобода осмысливается не столько как полная независимость, сколько как мера независимости субъекта от внешнего воздействия, возможность поступать по принципу: «то, что не запрещено — разрешено».

Кардинально отличается от традиционалистского утилитаристское понимание справедливости. Политико-правовой утилитаризм отстаивает позицию эгалитаризма — уравнилельной справедливости, в рамках которой правовые нормы едины для разных социальных слоев. Справедливость осмысливается, в первую очередь, как законность, как равенство всех перед законом. Такое понимание справедливости обусловлено, прежде всего, той социальной структурой, которую образует утилитарная политико-правовая культура. Речь идет о гражданском обществе, не приемлющем сословную иерархию и базирующемся на идеалах изначального равенства граждан, т. е. обществе, в котором человек осознает себя, в первую очередь, гражданином, обладающим неотъемлемыми правами человека. Гражданское общество — общество открытое для инноваций, влияния других культур, включенное в процессы модернизации.

Политико-правовая культура креативного типа

Креативный тип политико-правовой культуры формируется на основе восприятия мира как высшей ценности и цели существования человека. Мировоззренческую основу для такого рода отношения к миру задает концепция ноосферы, в рамках которой человеческий разум выступает как созидательная, изменяющая облик нашей планеты и ближайшего космоса сила, которая призвана реконструировать биосферу в интересах мыслящего большинства¹². Критерием оценки политико-правовых явлений становится их соответствие поставленным творческим задачам. Носитель креативной культуры — личность, бытие которой осуществляется в пространстве между индивидуализмом и коллективизмом. Государство, право в креативном смысловом контексте предстают, во-первых, как порождение

творческой деятельности людей; во-вторых, как институты, охраняющие и создающие благоприятные условия для этой деятельности¹³. Креативная политико-правовая культура в понимании сущности и источников государственной власти и права, «снимающая» позиции теоцентризма и космоцентризма, социоцентризма и антропоцентризма утверждает мировоззренческий принцип диалогизма, согласно которому смыслообразующим ядром и конституирующим основанием политико-правовой сферы жизни общества является диалог — межличностная коммуникация. К. Ясперс называет такого рода коммуникацию «экзистенциальной коммуникацией». Экзистенциальная коммуникация, в его понимании, есть коммуникация целого организма и отдельного его члена, который отличается от всех остальных, но составляет с ними одно в объемлющем их порядке; она является внутренней, свободно избранной связью людей, в которой они открываются друг другу как самоценные и неповторимые личности¹⁴. Креативистское понимание государства и права значительно шире утилитаристского контрактивизма — источники и сущность государства и права обосновываются не утилитаристски — функционально и рассудочно, но креативистски — ценностно и разумно. Различие утилитаризма и креативизма можно определить посредством апелляции к теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, который различает инструментальное ориентированное на успех действие и действие коммуникативное, направленное на взаимодействие индивидов, их консенсус. В его представлении коммуникативное действие служит взаимопониманию и солидарности¹⁵. В таком прочтении государство предстает как союз свободных людей, объединенных не столько соображениями индивидуальной и совместной пользы, сколько идеями сотрудничества, содействия, синергии. Таким образом, вектор понимания сущности и источников государства перемещается из модуса «обладания» в модус «бытия», соответственно, из области потребления в область созидания. Утилитаристское понимание государства как органа согласования интересов, вытесняется креативистским его толкованием как продукта и органа солидарности его граждан, как явления порожденного самоорганизацией общества. Если очистить понятие «солидаризм» от накопленных негативных коннотаций, то его можно использовать для определения политико-правовой стратегии креативизма, снимающей противостояние либертариизма и коммуитаризма, индивидуализма и коллективизма.

Креативная политико-правовая культура закладывает основания нового понимания политического лидерства — на смену утилитаристскому менеджеру и бюрократу приходит профессионал, создатель новых политико-правовых технологий, принимающий управление как специализированное административное искусство. Например, А. Тоффлер полагает, что мы являемся свидетелями краха бюрократии и наступления новой «кинетической», т. е. непрерывно развивающейся организационной системы — спецнокрации. Ученый фиксирует такую особенность современной организации как переход от иерархического вертикального устройства к новой горизонтальной

¹³ См.: Флорида Р. Креативный класс: люди, которые меняют будущее. М., 2007.

¹⁴ Jaspers K. Vernunft und Existenz. Groningen, 1935.

¹⁵ Habermas J. Theorie des kommunikativen Handelns. Ffm., 1981. Bd. 1.

¹² См.: Вернадский В. И. Живое вещество и биосфера. М., 1990

ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

коммуникационной системе — «ассоциации», которая предполагает скорее сотрудничество, нежели подчинение¹⁶.

В рамках креативизма формируется новое понимание либерализма — последний репрезентируется посредством обращения к идее презумпции свободы личности, которая рассматривается как стартовое условие ее саморазвития. Креативистский либерализм нацеливает на создание системы политико-правовых институтов, обеспечивающих оптимальные возможности самореализации личности.

В лоне креативизма рождается новое понимание демократизма — как творческой демократии. Понятие «творческая демократия» вводит И. А. Ильин, интерпретирующий его как «искусство свободы». Основными предпосылками творческой демократии по Ильину являются: наличие ценности свободы, высокого уровня правосознания, хозяйственной самостоятельности, определенного уровня образования и осведомленности, политического опыта, наконец, личностных качеств — преданности родине, неподкупности, ответственности, гражданского мужества¹⁷. Ю. Хабермас развивает идею делиберативной демократии (от *deliberation* — обсуждение), опирающуюся «на идеал сообщества свободных и равных индивидов, которые в политической коммуникации определяют формы совместной жизни»¹⁸.

В ценностно-смысловом пространстве креативизма «снимается» оппозиция «конформизм — радикализм», формируется представление о развитии как самоорганизации. Самоорганизация понимаемая не как однократная акция, но как длительный процесс развития выступает как альтернатива скачкообразному сценарию радикализма и статике конформизма.

Аналогичным образом в креативизме «снимается» смысловая оппозиция «этатизм — анархизм», государство позиционируется как одновременно объект и субъект самоорганизации общества: с одной стороны, задача государства — выявление возможных сценариев развития общества; с другой стороны, его главное назначение — формирование условий для осуществления наиболее перспективного из них. Креативный стиль руководства заключается не в том, чтобы навязывать обществу некие заимствованные или искусственно сконструированные стратегии развития, но в том, чтобы нацеливать социум на наиболее эффективные стратегии, произрастающие из его глубин.

Аналогично государственной власти право в креативной политико-правовой культуре понимается как продукт диалогизма, как «символ солидарности» (Л. Дюги). Креативизм откачивается как от абсолютизации права (панюридизм), так и от его элиминации — замены права моралью (правовой нигилизм). В пространстве креативной культуры утверждается значимость, как нравственных законов — морали, так и юридических законов — права. Более того, креативизм устанавливает тесную взаимосвязь, взаимозависимость, взаимодействие морали и права. Это достигается в результате нового понимания права, как развивающегося, процессуального — «живого пра-

ва» (Е. Эрлих). Креативистское понимание права кристаллизуется в рамках современного правоведения, в частности, целому ряду направлений правовой мысли — социологической школе права, реалистической школе права, юридической синергетике, юридическому постмодернизму присуще стремление расширить творческую установку не только на правотворческую, но и на правоприменительную деятельность¹⁹.

В политико-правовой культуре креативизма переосмысливается ценность свободы — свобода позиционируется положительно как «свобода для», как стартовое условие творчества. Подобно утилитаризму креативизм предполагает установление правового порядка, гарантирующего свободу граждан. Однако на смену утилитаристскому пониманию свободы как отсутствия внешних ограничений, приходит креативистское понимание свободы как наличия внутренних потенциалов к творчеству, созиданию. При этом раскрепощение связывается, в том числе, и с преодолением догматизма в понимании права, как творческое отношение к праву, в рамках которого формируется понятие «креативное правосудие»²⁰.

Справедливость, в креативистском видении, определяется не только посредством утверждения формального правового равенства, но и посредством утверждения некоторых содержательных требований, в частности требования равного уважения к достоинству любого человека. Таким образом, правовой эгалитаризм подкрепляется моральным эгалитаризмом, который интерпретируется как отношения взаимного признания. Хабермас следующим образом определяет это обстоятельство: «"Моральными" я хотел назвать все те интуиции, которые информируют нас о том, как мы должны себя вести наилучшим образом, чтобы благодаря щадящему поведению и предупредительности предотвратить крайнюю ранимость личности. С антропологической точки зрения мораль может быть понята как охранное учреждение, которое компенсирует встроенную в социокультурные жизненные формы ранимость»²¹.

Социальной объективацией креативизма является коммуникативное общество, членом которого является не просто гражданин, но «ассоциативный человек» (Тоффлер), нацеленный на создание различного рода творческих, профессиональных союзов. Такое общество рождается в результате перехода от утилитаристской — производительной парадигмы к креативистской — солидаристской, от субъект-объектных отношений к субъект-субъектным. Основу коммуникативного общества составляет «гражданская креативность» — процесс творческого решения проблем, направленный на совершенствование жизни²². Коммуникативное креативное общество, по определению открытое саморазвивающееся общество.

Итак, идеальная типологическая триада — традиционализм утилитаризм креативизм — может быть представлена

¹⁶ Тоффлер А. Футурошок. СПб., 1997.

¹⁷ Ильин И. А. Предпосылки творческой демократии / Ильин И. А. Наши задачи. Т. 2. М., 1992.

¹⁸ См.: Денежкин А. «Фактичность и значимость» Ю. Хабермаса: новые исследования по теории права и демократического правового государства / Хабермас Ю. Демократия. Разум. Нравственность. М., 1995. С. 194.

¹⁹ См. Яркова Е. Н. История и методология юридической науки. Тюмень, 2012.

²⁰ Касьянов В. В., Нечипуренко В. Н. Социология права. - Ростов на Дону, 2001.

²¹ Habermas J. Faktizität und Geltung. Beiträge zur Diskurstheorie des Rechts und demokratischen Rechtsstaats. Frankfurt a/M., 1991. S. 260.

²² Лэндри Ч. Креативный город. М., 2011.

ЯРКОВА Елена Николаевна / Elena YARKOVA

| Политико-правовая культура общества в проекции методологии идеального типизирования |

как методологическая конструкция, сопоставление которой с эмпирической реальностью открывает возможность выявления значения тех или иных явлений культуры, установления причинных связей между ними. Назначение названных идеальных типов заключается в том, чтобы внести порядок в хаос тех фактов, которые исследователь включает в круг своих интересов. Эти типы обладают ценностью наглядного изображения изучаемых явлений, связей и процессов. Вместе с тем, идеальные типы нельзя онтологизировать, в реальности в стерильном виде они практически не встречаются, любая исторически сложившаяся политико-правовая культура являет собой некий микст традиционализма, утилитаризма, креативизма. Однако можно говорить о некоторой иерархии этих идеальных типов политико-правовой культуры применительно к той или иной форме социально-экономического бытия. Ценностно-смысловые установки традиционализма занимают лидирующие позиции в политико-правовой сфере жизни традиционного аграрного общества. Утилитарные ценностно-смысловые интенции главенствуют в политико-правовой сфере общества индустриального. Наконец, креативные ценностно-смысловые мотивации первенствуют в политико-правовой сфере жизни общества постиндустриального.

Механизмы развития политико-правовой культуры общества достаточно сложны. С одной стороны, политико-правовая культура развивается вместе с обществом, в контексте социально-экономических изменений. С другой стороны, едва ли в развитии можно рассматривать исключительно как результат подталкивающего влияния социально-экономических процессов. Развитие политико-правовой культуры есть также разворачивание некоей внутренней логики ее бытия. Такого рода логика может быть эксплицирована посредством диалектической схемы: тезис — антитезис — синтез. Соответственно, утилитаризм являет собой ценностно-смысловую конструкцию контрарную традиционной, а креативизм рождается в результате преодоления противостояния традиционализма и утилитаризма.

Если говорить о политико-правовой культуре современной России, то она являет собой микст, в котором в равной степени представлены традиционные и утилитарные (по преимуществу умеренно-утилитарные) ценностно-смысловые установки, при этом креативные ценности и смыслы представлены незначительно. Таким образом, особенностью российской политико-правовой культуры, как и русской культуры в целом является ее «противоречивость», «антиномичность» (Бердяев). О противоречивом состоянии общественного сознания современных

россиян пишет Г. Л. Тульчинский, который утверждает, что российское общественное сознание «тяготеет к платонистскому универсализму с его раздвоением мира на мир реальный и трансцендентный...»²³. В политико-правовой культуре современной России бытуют полярно противоположные ценностно-смысловые установки: радикализм и конформизм, демократизм и авторитаризм, патернализм и либертаризм, правовой нигилизм и правовой идеализм и т. д. Что собственно и создает эффект «застрявшей цивилизации» (Ахиезер). Суть этого «застревания» заключается в неспособности общества преодолеть сложившиеся противоречивые представления и выйти к новому уровню развития, к креативной культуре. Важнейшей причиной этой неспособности является специфика российской модернизации, которая носила «догоняющий» характер — утилитарная политико-правовая культура насаждалась в России «декретом сверху», в результате традиционная почвенная культурная среда сформировала стойкий антиутилитарный иммунитет, который не утратил своей силы и до настоящего времени. Конечно, жизнь берет свое, и утилитаризм чем дальше, тем больше прорастает и на российской почве, однако и традиционализм не сдает своих позиций. Существуют ли пути выхода из сложившейся ситуации? Очевидно, существуют, однако необходимо понимать, что невозможно навязать обществу некую «прогрессивную» политико-правовую культуру, необходимо создавать условия, которые будут способствовать саморазвитию политико-правовой культуры. Каковы эти условия? Вопреки общим представлениям, согласно которым главным условием развития политико-правовой культуры является насаждение принципа индивидуализма — хозяйственного, нравственного, социального, необходимо констатировать, что главным таким условием является культивирование принципа баланса интересов — частного, общественного, государственного. Утилитаризм как политико-правовая культура возможен там, где существует возможность и необходимость согласования интересов, следовательно, где национальный интерес определяет посредством принципа гармонии интересов — частного, общего, государственного. В России в прошлом и настоящем национальный интерес редуцировался либо к государственному интересу, либо к интересам тех или иных социальных страт, что, в конечном счете, и замораживало развитие политико-правовой культуры ее граждан.

²³ Тульчинский Г. Л. Культура в шопе. / Нева, 2007, № 2. С. 128–149. Интернет-ресурс. Режим доступа: <http://hpsy.ru/public/x3156.htm>

